

«СТЕРЕОТИПНЫЕ СИТУАЦИИ» КАК ТРАНСЛЯТОРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (на примере текстов Н.Н. Толстой и Т.Н. Толстой «Вид из окна» и «Быть как все»)

РАКОВА Ирина Владимировна

кандидат филологических наук, старший преподаватель

ЧОУ ДПО «Державинский институт»

г. Санкт-Петербург, Россия

Вопрос о стратегиях выявления лингвокультурной составляющей смыслового пространства художественного текста был и остаётся актуальным, особенно при работе с текстами в иностранной аудитории. Помимо собственно интертекстовых единиц функцию отражения национальной культуры выполняют «стереотипные ситуации» эпохи (ситуации, детали быта, тип сознания), отличающиеся нерелевантностью авторства и отсылающие к коллективной памяти социума в тот или иной временной период.

Ключевые слова: стереотипные ситуации, тематическая направленность текста, знаки эпохи, метатекст.

Вопрос о необходимости детального изучения механизмов «декодирования» лингвокультурной смысловой наполненности текста и поиска «вербальной экспликации языковой маркированности этнокультурного смысла» [4, с. 49] не теряет своей актуальности и продолжает обращать на себя внимание лингвистов.

При этом в качестве основных трансляторов национальной культуры чаще всего называются интертекстовые единицы, способные отражать определённые ментальные стереотипы и являющиеся частью «коллективной памяти» [3]

Однако присутствие собственно интертекстов, т. е. «текстов в текстах» (цитат, аллюзий, идиом, центонных текстов и т. д.) не всегда обязательно. В то же время наряду с ними в художественных текстах обнаруживается «вариант» интертекста – а именно, «стереотипные ситуации» эпохи – детали, факты, реалии, ситуации, характерные для конкретного временного и культурного периода и являющиеся символами цитируемой эпохи.

Данные единицы, вслед за Г.В. Денисовой, мы рассматриваем как интертексты именно в силу их типичности и стереотипности. Они существуют в языке как примеры метатекста того или иного культурно-исторического отрезка и отличаются принципиальной нерелевантностью авторства, что позволяет воспринимать их как знаки, выполняющие функцию «культурного кода», знание которого «позволяет индивидууму идентифицировать себя с данной лингво-

культурной общностью» [2, с. 73]

Основными критериями при выявлении интертекстов и правильности прочтения интертекстуальных знаков и связей считаются основная тема повествования и текстуальные стратегии автора, заключённые в заглавии текста и в сильных позициях, дающих, как отмечает И.В. Арнольд, «первый толчок для преднастройки читателя» [1, с. 155-156].

Заглавие и начало, по мнению исследователя, «дают общее представление о ситуации, о которой пойдёт речь в сообщении, и о системе кодов, в которой оно закодировано: оно и направляет возникновение ассоциаций» [Там же].

Механизм экспликации лингвокультурной информации можно рассмотреть на примере текстов Н.Н. Толстой и Т.Н. Толстой «Вид из окна», «Быть как все».*

В рассказах «Вид из окна» и «Быть как все» в начале даётся отсылка к конкретному временному периоду: в «Виде из окна» – к 60-м гг. XX в., и к послевоенным – в «Быть как все».

*«В то лето все играли в бадминтон с утра до вечера [...] но как весело и безмятежно жили летом **шестидесятого года**» (Вид из окна: 73)*

*«**Послевоенные очереди были тихие и длинные**» (Быть как все: 10)*

Таким образом, одну из смысловых линий данных текстов мы можем интерпретировать

*Примеры указанных текстов даются по изданию: Толстая Н.Н., Толстая Т.Н. Двое: Разное. – М., 2002. В скобках указывается название текста и страница.

как «**воссоздание и описание конкретной эпохи**».

Исходя из этого, вычлняя интертексты, нужно ориентироваться на «знаки», так или иначе характеризующие, «цитирующие» выбранный временной период.

В рассказе «Вид из окна» в качестве интерпретаторов выступают отсылки к стереотипным ситуациям 60-х гг.

«В то лето все играли в бадминтон» (Вид из окна: 73)

«Сосед Серёжа поступал в то лето в театральный институт. Все понимали, что с его фамилией в институт не поступить. Он и не поступил» (Вид из окна: 73)

«Серёжина комната мало что говорила о её хозяйне: пустой стол, на полке одинокий том [...] майонезная банка, наполненная копейками - тогда все что-нибудь копили» (Вид из окна: 74)

В рассматриваемых примерах единицами, отсылающими к 60-м гг., являются указательное местоимение «то» и наречие «тогда», а на стереотипность указывает употребление обобщённо-личного местоимения «все» в качестве субъекта действия.

В «Быть как все» тестовую стратегию автора также можно определить как «воспроизведение послевоенного времени».

«Давали по полкило муки и десятку яиц в руки. Послевоенные очереди были тихие и длинные. Стояли с детьми и внуками, чтобы больше досталось» (Быть как все: 10)

«От том, что все квартиры коммунальные и что нет тут ни ванн, ни горячей воды, она уже знала от женщин из очереди» (Быть как все: 10)

При этом представленные ситуации не только отсылают к жизненному опыту нескольких поколений адресатов, знающих о коммунальках и помнящих бадминтон, послевоенный голод, накопление денег в банках и бутылках, – они также представляют определённую систему взглядов, оценок, определённую идеологию, иными словами, являются **знаками описываемой эпохи**. Они выполняют одновременно дейктическую и иконическую функции.

В примере *«Все понимали, что с его фамилией в институт не поступить» (Вид из окна: 73)*

Выражение «его фамилия» (в данном случае притяжательное местоимение «его» выполняет характеризующую функцию и воспринимается как указательное местоимение «такая») прочитывается как фамилия определённого типа-а именно, еврейская, вследствие чего проявляется такая черта описываемой эпохи, как антисемитизм.

«Еврейская» тема возникает и в рассказе «Быть как все», также с установкой на демонстрацию отношения к евреям как со стороны правительства, так и со стороны общества.

«Наташа чувствовала себя виноватой и в том, что учительница пения, Ида Ильинична, приходит в школу всегда с красными глазами» (Быть как все: 12)

«Другие учительницы замолкали, когда она (Ида Ильинична-И.Р.) проходила мимо» (Быть как все: 12)

«Хозяйна, Розентейна, как забрали, так и пропал. Вредил, говорили» (Быть как все: 13)

Выражение «с красными глазами» и глагол «умолкали» воссоздают образ одинокого, страдающего человека-изгоя: еврея в советском обществе.

Глагол «пропасть», представляя собой единицу дискурса времён сталинских репрессий, отсылает нас к ситуации арестов и расстрелов невинных людей, являющуюся своего рода культурным символом эпохи 30-х – 50-х гг.

Соответственно данные примеры демонстрируют раскрытие специфики определённого временного периода в жизни советского общества, а также типа сознания в этом обществе посредством интерпретации «маркёров эпохи».

В качестве культурных черт времени выступают:

Послевоенные годы

- 1) недостаток продуктов
- 2) жизнь в коммунальках без отопления и горячей воды
- 3) аресты
- 4) антисемитизм

60-е гг.

- 1) время «хрущёвской оттепели»;
- 2) антисемитизм.

При этом необходимо отметить, что авторская задача не исчерпывается воссозданием конкретных временных этапов жизни в Советском Союзе: второй темой исследуе-

мых текстов можно считать описание жизни отдельной личности в рамках описываемых временных контекстов.

В «Быть как все» данная тема заявлена уже в названии: глагол «быть», прочитываемый в контексте рассказа как «жить», отсылает читателя к сознанию человека, живущего отлично от других и желающего это изменить.

Примерами таких людей в тексте являются Наташа, её семья и учительница музыки Ида Ильинична.

Следуя представленному ранее механизму анализа текста, мы, установив тему, обращаемся к рассмотрению фрагментов, её раскрывающих и в то же время обладающих интертекстуальным характером.

Одним из таких фрагментов становится отрывок с описанием жизни семьи Наташи как противопоставляемой жизни остальных людей.

«Наташа рано догадалась, что она виновата. Виновата, что на дом приходит учительница музыки и учительница английского. Что бабушка на такси возит в ТЮЗ [...] Что гости родителей не похожи на людей из очереди. Что няня водит в школу, а домработница стирает и готовит обед» (Быть как все: 12)

Описывая свою жизнь, Наташа расценивает её как негативную, о чем свидетельствует краткое прилагательное «виновата» и высказанное далее желание девочки *«Превратиться бы в другую девочку и жить, как живут остальные»* (Быть как все: 12)

Однако при рассмотрении альтернативы, так желаемой детским сознанием, жизнь Наташиной семьи начинает характеризоваться противоположным образом: как благополучная, счастливая – но уже не Наташей, а читателем»

«Превратиться [...] и жить, как живу остальные, в узких комнатах, где из книг только школьные учебники, где бабушки много пекут [...]» (Быть как все: 12)

Детали жизни «остальных», отсутствуя в жизни Наташи и её семьи, маркируют её как находящуюся на более высоком уровне, как в материальном, так и в духовном смысле.

При этом описание жизни девочки и «людей из очереди», благодаря обобщённому характеру представленных деталей и признаков этих типов жизни, не замыкается на

отдельном индивидууме, а превращается в характеристику различных слоёв общества в Советском Союзе.

Перед нами жизнь интеллигенции и жизнь обывателей, находящихся в оппозиции по таким признакам, как место культуры и искусства в жизни, уровень быта и образования.

Другим примером «другого» человека, как уже говорилось ранее, является Ида Ильинична. Само её имя обладает интертекстуальным характером как еврейское, отсылающее читателя к особенностям положения евреев в Советском Союзе.

Ида Ильинична живёт как всеми отвергнутое, никому не нужное, затравленное существо.

«Наташа чувствовала себя виноватой и в том, что учительница пения, Ида Ильинична, приходит в школу всегда с красными глазами [...] Уроки пения проходили в бывшей гимназической уборной» (Быть как все: 12)

«Наташа смотрела с любовью на Иду Ильиничну, но та никогда не поднимала глаз. Другие учительницы замолкали, когда она проходила мимо» (Быть как все: 12)

Жизнь Иды Ильиничны – это жизнь большинства евреев в описываемое время, проявление антисемитских взглядов правительства, о которых говорилось ранее в связи с характеристикой послевоенной эпохи.

Таким образом, как мы смогли убедиться, «стереотипные ситуации» как интертекстуальные единицы способны отражать как специфику культурно-исторической ситуации в определённый временной этап в развитии общества, так и национальные, культурно-обусловленные особенности русской ментальности.

Механизм вычленения данных единиц сводится к следующему: установление основных тематических линий в тексте с последующим выявлением фрагментов, раскрывающих указанные темы и параллельно с этим связанных или указывающих на конкретный временной период.

Представленный механизм выявления «стереотипных ситуаций» и раскрытия их смыслового наполнения во многом может быть использован при обучении иностранных учащихся лингвокультурной компетенции в целом, а также экспликации имплицитных смыслов – в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арнольд И.В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб., 1999. – 443 с.
2. *Денисова Г.В.* В мире интертекста: язык, память, перевод. – М.: Азбуковник, 2003. – 297 с.
3. *Денисова Г.В.* Интертекстуальность и семиотика перевода: возможности и способы передачи интертекста // Текст. Интертекст. Культура. Сб. докладов международной конференции. – М., 2001.
4. *Юрков Е.Е.* Образные средства языка в аспекте лингвокультурного описания // Русистика и современность: лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – СПб., 2002. – С. 49.